

Вадим Ярмолинец

Макумба

В Америке сфера для приложения творческих сил Шурика Пастернака только расширилась. Он быстро встал на ноги, обзаведясь карточкой «Американ-экспресса», которую ему изготовил один наш пенсионер с Брайтона – человек с золотыми руками и такой же золотой головой. Бывало, постучав себя осторожно по ней одним пальцем, словно остерегаясь потревожить кого-то, жившего в ней, он произносил многозначительно: «Аидыше копф!». Чтобы не привлекать к этому персонажу лишнего внимания, назовем его Нолик.

Пользуясь этой карточкой, Шурик покупал стильные итальянские гарнитуры в мебельных Южного Бруклина, сбывая их с грузовиков на провинциальных барахолках, которые за всю свою историю не видели такой роскоши по таким доступным ценам.

К тому времени, когда карточка исчерпала свой потенциал, Шурик уже был мастером нарасхват по постановке автомобильных аварий, которые кормили небольшую армию бруклинских юристов и невропатологов. За него с равным усердием молились в синагогах и католических храмах, а о его таланте ходили легенды, которые в конечном итоге добрались до офиса бруклинской окружной прокуратуры.

В одно тихое летнее утро за ним приехала группа захвата в черном, застав в брайтонской квартире, где он жил, лишь его бедных родителей. Растрепанные со сна старики в пижамах стояли перед автоматчиками и растерянно повторяли: «Алекс?» и «Я не знаю...». Они были похожи на двух воробышков, выросших рядом с клеткой, где обитал попугай: «Алекс?» – «Я не знаю...». Они никогда ничего не знали – этому их научила жизнь.

Спустя полгода мама беглеца получила открытку в три слова: «Мама, не волнуйся». На почтовом штемпеле значилось: «Рио-де-Жанейро».

На самом же деле бедной Ноне Матвеевне Пастернак только и надо было начинать волноваться – ее предприимчивый сын подпал под влияние сил куда более грозных, чем ФБР. Да и сам Шурик еще плохо представлял, что его подстерегает в новой стране.

Первым его бизнесом в Бразилии стал туристический. Раз в неделю он собирал по гостиницам группу американских туристов, обещая им экскурсию с ритуальными танцами индейцев Амазонки возле развалин испанской крепости и романтический ужин под луной. На тридцатом километре от Рио, возле мотеля «Агава-Эксельсиор», он отправлял туристов освежиться и делил собранные деньги с водителем автобуса. Когда туристы возвращались, водитель докладывал им, что гида и деньги похитили бандиты из соседней фавелы, и после небольшого скандала развезил их по гостиницам. Одно время сообщники использовали липового полицейского, который составлял рапорт о случившемся и записывал адреса пострадавших, чтобы дать им знать о ходе расследования, но потом решили, что это неоправданный расход. Экономия позволила Шурику обзавестись белым «Ягуаром» с открытым верхом, красной кожей сидений и отделкой из ценных пород дерева.

Появление в его жизни роскошного авто совпало со встречей с девятнадцатилетней Сандрой Майбидой. Она жила на Авениде Атлантика в респектабельном «Апрайа-Фламенко», и скоро он перебрался туда. Я не знаю, понравилась бы эта Сандра Ноне Матвеевне, – скорее нет, чем да. Весь опыт жизни Ноны Матвеевны научил ее ценить в вещах и людях то, что зовется неброскостью. Сандра была антиподом ее идеала, но и сам Шурик был антиподом родной мамы со своими автомашинами, подругами, часами, шампанским и еще миллионом вещей, которые заставляли его постоянно думать об увеличении, как это называется, выхлопа с его незатейливых операций.

Устроившись с пахучей сигарильей и бокалом «Монтильи Бранко» на веранде бильярдной «Нитрой», что на Барато Рибейру, он прислушивался и приглядывался к происходящему в новом для него мире. Возникавшие в его поле зрения типы открывали

перед ним его невероятные возможности. Они таинственно мерцали перед ним, обещая неслыханное благополучие. Перемещаясь за карточный стол, где он сшибал копейку на мелкие расходы, Шурик терпеливо выжидал возможности сорвать настоящий куш. В этом шумном табачном чаду он подхватил и выносил идею создания своей судоходной компании. За месяц своего существования она собрала несколько десятков контейнеров для отправки за океан, а затем исчезла с лица земли и поверхности вод вместе с деньгами, контейнерами, моряками и сухогрузом, бороздившим мировой океан под флагом самопровозглашенной Приднестровской Республики.

Шурик блаженствовал. Другие вкалывали год, чтобы провести неделю на берегу лазурного океана, а он жил на этом берегу с женщиной ослепительной красоты. Время, как казалось ему, притормозило и загустело, как сладкий компот из персиков, над которым кружат охочие до сахара осы.

Но, как вы знаете, самое полное счастье мужчины может быть легко разрушено самой крохотной толикой недовольства его подруги, которой, кажется, тоже не на что пожаловаться, но это только кажется. Майбида не была исключением. Человек, который пережил хотя бы одну одесскую зиму, знает разницу между превратившимся в ледяную слякоть миром и невероятными красками тропиков. Но человек, родившийся в тропиках, – я сейчас о Сандре – считает, что имеет право на большее.

И вот по этой причине Сандра Майбида хотела еще свадьбу с венчанием и оркестром, головокружительное платье, восхищенных гостей, медовый месяц в Париже, детей и, наконец, подруг, с которыми она могла бы обсуждать за чашкой кофе, чего им еще не хватает в этой жизни для самого уже полного счастья. Нет, женщины все же неисправимы. В смысле – природа неисправима.

Да, но что тогда останавливало Шурика, который нашел в ней свой идеал? Вы не поверите – что-то глубоко внутри него очень невнятно подзуживало и намекало на то, что для женитьбы ему нужен, если так можно выразиться, другой материал. Более близкий его собственному. Какой могла бы одобрить его мама, если вы понимаете, что я имею в виду. Но пока... пока он наслаждался тем, что имел, не отказываясь от подброшенных жизнью допол-

нительных бонусов. Слушайте, ему было двадцать восемь лет – что можно хотеть от человека в таком несерьезном возрасте?

Из этой сладкой полудремы его вывел ряд необыкновенных событий.

Двое дюжих полицейских безжалостно обломали ему дубинками бока в кладовке «Нитроя», где какому-то посетителю не понравились его карты. Это было совершенно невероятно, потому что бармен получал свою долю от выигрыша и должен был позаботиться о его безопасности.

Еще через неделю его обворовала проститутка, которая прибыла на смену в «Нитрой» на совершенно фантастическом розовом «Додже» постройки 50-х годов, похожем одновременно на танк и на аэростат. Подсев к ней, Шурик заказал «Дом Периньон», но, когда бармен собрался открыть бутылку, девица объявила, что всем другим напиткам предпочитает кашасу, поэтому ее кавалер может сэкономить сейчас, чтобы добавить на чай потом. Ему так понравился этот веселый прагматизм, что он потерял свою обычную бдительность, и задуманное им мероприятие сорвалось.

Дело в том, что утром, пока она спит – таким был его план, – он намеревался воспользоваться ее аэростатом для одной конфиденциальной поездки. Поездка должна была завершиться в витрине присмотренного им магазина на улице Сенадор Верейра в Кобакабане. Этому номеру его научили два приятеля с Флэтбуша. Они въезжали на остроносом, как торпедный катер, «Шевроле Монте-Карло» в витрину заранее облюбованной ювелирной лавки, а сбитый ими Шурик влетал под ее прилавок. Он находился там до прибытия «скорой», которая увозила его, нагруженного ценностями, с места происшествия.

Они провели ночь в номере над баром, а поутру Шурик обнаружил исчезновение не только своей подруги, но и бумажника с полутысячей реалов, «Ролекса» и магеновида на золотой цепи.

И, наконец, кирпич. Кирпич упал рядом с ним, когда он сидел в пляжном баре на Кобакабане, и падать ему было просто неоткуда. Он поднял голову и увидел парившую в голубой высоте чайку. Покачиваясь в струях тропического эфира, она висела прямо над ним, но казалось невыносимым, что птица могла доставить ему этот убийственный подарок.

Подошедший к нему официант – старый индеец, лицо которого казалось черным в тени козырька его бейсболки, сказал только: «Макумба», – и, забрав пустой бокал от пива, ушел к стойке.

Избиение в подсобке, ночная кража, кирпич – слишком мало зазоров было в череде этих событий, чтобы не обратить на это внимание. Он заказал еще пива и спросил индейца, не знает ли тот кого-то, кто может ему помочь. Индеец бросил взгляд на другие столы – посетителей было еще не много, – достал из кармана брюк небольшой полотняный мешочек и высыпал на стол перед Шуриком горстку темных кубиков. Странные это были кубики – с черепами на сторонах, головами птиц, цветами, лягушками, глазами. Кивнув на них, индеец пригласил его взять один.

Шурик взял наугад. Это был потертый от долгого употребления кубик с одним только символом – красно-коричневым сердцем.

– Муйто амор, муйто макумба, – усмехнулся индеец.

– Неужели Сандра?! – сказал изумленно Шурик.

– Тебе виднее, – пожал плечами тот.

После нескольких лет жизни в Бразилии Шурик, конечно, хорошо знал, о чем идет речь, – его заколдовали. Колдовали здесь все. Об этом говорили шепотом за дружеским столом, об этом сообщали в теленовостях, об этом рассказывали анекдоты. Голубь с отрезанной головой у входа в чей-то дом, полураздавленная пластмассовая кукла, потек крови на двери – эти приметы национального хобби попадались на глаза так часто, что рано или поздно ты переставал обращать на них внимание.

Дома Шурик первым делом открыл морозильник и, выбросив прямо на пол несколько покрытых инеем пакетов, обнаружил вмерзшую в лед лягушку с искореженной головой. Взяв нож побольше, он выковырял лягушку и одним ударом отрубил ей часть головы. Из открывшейся полости он вытащил свернутую вчетверо бумажку. Это было его фото.

От возмущения он задохнулся. Выскочив к бассейну, где загорала Сандра, он закричал:

– Дура, зачем ты мне это сделала?

Та, как будто, была готова к этому разговору.

– Хватит воровать! – выпалила она в ответ, поднимаясь с шезлонга и открывая взгляду Шурика грудь, от вида которой у него сладко заныло в низу живота.

– Ты же католичка! – сказал он уже тише. – Как ты могла сделать мне такое?

– Я посоветовалась с падре из «Саграды фамильи», – успокоила его Сандра. – Он мне все объяснил: если я хочу иметь нормальную семью, нормального мужа, нормальных детей, то один раз можно. Бог простит!

– Что значит нормального мужа? – не понял Шурик

– Честного! Ясно?

– Она хочет честного! Ты же первая пошлешь меня к лешему, если у меня не будет денег!

– Все, что мне надо, это колечко вот тут вот, – она показала ему безымянный палец. – И кое-кого вот здесь! – она похлопала себя по животу.

– Блин! – сказал Шурик. – У меня такое впечатление, что я не в Рио-де-Жанейро, а в Орехово-Зуеве.

– Что?

– Ничего, до свидания!

Когда она попыталась отобрать у него чемодан, который он набивал своими вещами, Шурик отбросил ее на постель, и когда она упала на нее, он увидел такое неподдельное выражение испуга и обиды на ее лице, что тут же понял, что совершил нечто совершенно непростительное, и исправить это можно только одним способом – обнять ее, прижать к себе и не отпускать до тех пор, пока эта страшная секунда не будет забыта. Но – куда там, его уже было не остановить!

Ушел Шурик недалеко – к барменше из того же «Нитроя» Беате Мазовецкой, которую с небольшой натяжкой можно было назвать кобетой на выданье. Она только что схоронила мужа. Потеряв работу на стройке, ее Вацек днем сидел на балконе их квартиры, а ночью колотил вернувшуюся с работы жену. Однажды Беата, по горло сытая этими побоями, переночевала на бильярдном столе, а когда зашла домой переодеться, Вацек висел в гостиной на вентиляторе. Полька перекрестилась и стала подыскивать самоубийце замену.

К Беате, встречавшей Шурика призывными взглядами всякий раз, когда он появлялся в биллиардной, он вошел как к себе домой. Да-а, это, конечно, была не солнечная фазенда на Авениде Атлантика, это скорее напоминало Брайтон. Но энтузиазм хозяйки должен был компенсировать недостатки интерьера ее жилья. «Коханый! Зачекалася!» – захлопотала Беата, которая от свалившегося на нее счастья не знала, куда раньше бежать – накрывать стол или стелить постель.

Шурик не хотел ни еды, ни любви. Бросив чемоданы, он помчался на Капакабану. К вечеру знакомый бар с сине-белыми полосатыми зонтами был забит до отказа, посетители, перекрикивая друг друга, болтали о своем, бессмертная Аструд в тяжелом бите очередного ремикса рассказывала о вызывающей у всего мира охи и ахи девушке из Ипанемы. Заказав пива, он устроился на перилах пляжной платформы напротив стойки, высматривая индейца, но того не было. Допив пиво, он с тяжелым сердцем поехал к Беате.

Могла ли пани Мазовецкая заменить ему его Сандру? Знаете, при всей нашей симпатии к смуглокожей бразильянке мы должны признать, что в свои двадцать пять Беата была очень даже ничего себе, а то, что она была блондинкой с белоснежной кожей, придавало их созревающему на глазах роману свою новизну.

Но плану Шурика и Беаты не суждено было сбыться. Не успели они слиться в страстных объятиях, как в окно постучали. А если точнее, то просто даже шарахнули со всего размаху по закрытой ставне, да так, что сердце остановилось. Через минуту дом наполнился дикими воплями Беаты: «Вацек! Вацек! Цо ты тут робишь?!».

Шурик подошел к окну и увидел в нем восставшего из могильного праха покойного мужа своей новой подруги. Тот стоял на протянутом через улицу телевизионном кабеле, балансируя железной трубой в руках.

– Беата, – сказал со вздохом Шурик. – Ты не волнуйся, это моя подруга макумбу пристраивает. Это не твой Вацек. Это только кажется.

– То ты хочешь сказать, что я много выпила? – от ужаса Беата стучала зубами.

Он насилу уговорил польку лечь, но Вацеку это не понравилось, и он снова трахнул по ставне трубой. В конечном итоге Шурику пришлось ночевать на кресле, которое Беата, не перестававшая причитать: «Давно пора било в Полонью уехать с той сратой Бразилии!» – выставила ему в кухню.

Когда рассвело, Шурик собрал чемодан и тихо прикрыл за собой дверь. Беата не провожала его. У парадного ее дома он поставил чемодан у ног, достал сигареты и, закуривая, услышал нарастающий и как будто приближающийся к нему треск. Подняв голову, он увидел неторопливо клонящийся к нему кипарис.

Он провел в больнице неделю. Ночью перед выпиской в окно его палаты постучали. Он сразу узнал этот стук. Самоубийца, которого, видимо, не радовала возложенная на него миссия, сказал через стекло:

– Пан Шурик, ваша пани Сандра не дает мне покоя. Она кажет, что желает вас видеть.

Вацек, который в ином мире явно записался в воздушные акробаты, стоял теперь на перилах балкона, боком к нему, и снова балансируя той же железной трубой.

– А до пани Беаточки не ходи. Лады?

Шурик не поехал ни к Майбиде, ни к Беате. Прямым ходом он махнул в аэропорт, и уже на следующее утро Нона Матвеевна кормила его домашними котлетами из органической курочки.

Майбида позвонила к обеду. Шурик включил на телефонном аппарате спикер и подавленно слушал, как его разъяренная подружка клялась всем своим сатанинским пантеоном устроить семейству Пастернаков черную жизнь. Нона Матвеевна стояла у телефона и исполняла свою коронную арию: «Алекс? Я не знаю...». «Я не знаю...» «Алекс?» Майбида несла свое, реагируя на робкий голос Ноны Матвеевны, как реагируют на треск помех в слуховой трубке.

Ночью Шурику приснился страшный сон. Омытая голубым сиянием луны женщина нежно целовалась с прильнувшим к ней гусем. Будь у моего героя другое образование, он мог бы вспомнить сюжет о Зевсе и Леде, но увиденное не вызвало у него никаких культурных ассоциаций. Между тем к видеоряду прибавился звук – глухой рокот невидимых барабанов. Женщина оторвалась наконец от гуся, а тот, вытягивая шею, стал следовать за змеиными

движениями ее рук. Потанцевав так, гусь положил голову на плоский, как надгробие, камень у ног женщины, та же достала мачете и, примерившись, отмахнула гусю голову. Собрав в ладони бьющую фонтаном черную кровь, она опустила в нее лицо, а гусь как ни в чем не бывало поднялся, отряхнулся и повел шеей вокруг так, словно на конце ее был глаз, и он теперь желал узнать, что происходит вокруг. Следуя за его движением, Шурик теперь увидел, что находится на кладбище. Гусь же махнул ему рукой, в смысле – крылом, и заковылял в направлении стоящего над могилами оранжевого зарева. Не веря разворачивающейся перед ним картине, Шурик двинулся за своим странным проводником. Скоро им открылось стоявшее на четырех надгробиях кривоногое кресло с высокой спинкой, скрывавшей сидевшего в нем.

– Это дир-ректор-р кр-рядбища! – крикнула из-под ног отрубленная гусяная голова.

Приблизившись к креслу, гусь остановился и, сделав почтительный поклон, то есть, отставив лапку и любезно развернув к земле одно крыло, с сухим хлопком взорвался. Когда перья, качаясь из стороны в сторону, осели, Шурик увидел окровавленное лицо Сандры Майбиды. Она громко расхохоталась и, ударив себя по внутреннему сгибу локтя ребром ладони, сказала зло:

– Вот ты от меня уйдешь!

Шурик проснулся в холодном поту с бешено бьющим сердцем. Он подошел к окну и стал свидетелем удивительного природного феномена. Брайтонский променад с его ресторанами, велосипедистами, бегунами, собачниками, шахматистами, доминошниками и собирающими пустые банки мексиканцами был залит ярким летним солнцем, а над их выходившим одной стороной на океан, а другой – на Седьмую стрит домом висела черная грозовая туча. Сквозь толстые, как канаты, струи дождя время от времени прорастал с сухим треском электрический корень молнии.

Родители куда-то собирались, тихо споря, брать ли им зонтик.

– Вы куда? – спросил Шурик.

– К врачу, – сказал отец слабым голосом.

– После того как я поговорила с твоей подругой, – сказала Нона Матвеевна, – у меня такое чувство, как будто кто-то держит меня за сердце, – она показала рукой, – вот так взял и держит.

Через неделю непрекращающегося дождя Шурик вышел на улицу за газетой. На страницах, где рекламировались экстрасенсы, народные целители и гадалки, он нашел алтайскую шаманку бабу Нину и созвонился с ней. Он, как говорится, решил вышибать клин клином. Бразильский – алтайским.

За день до встречи он испытал еще одно потрясение. Стоя под душем, он обнаружил на левом плече зеленовато-серое пятно, какие он раз видел на трупе бездомного, пролежавшего с неделю под настилом набережной на Трокадеро. От ужаса Шурик испытал такую слабость, что сел на край ванны. На следующее утро, только открыв глаза, он увидел двух тараканов, деловито разгуливавших по разросшемуся пятну на плече, так, словно они прикидывали размеры новой жилплощади. Он вскочил с воплем, сбросив их с себя, и они вдруг полетели, треща рыжими крыльями, и упали за постель.

Шаманка, поведив вокруг него руками, сказала:

– Заколдовала тебя, милай, подружка твоя, да крепко-то ка-ак! Давно я такой любви не видывала. Тут травы нужны особые, а лучше даже и кровь пустить.

– Кому? – не понял Шурик.

– Ну, может, петушку молодому, чи даже поросеночку. Потому как у поросеночка уже и душа вроде есть. С душою-то оно и по-сильнее будет.

– А с пятнами что делать?

– Я же и говорю, с пятнами это поросеночек нужен. Ты, милай, как бы уже умер. Вокруг живого человека всегда такая упругая жисть еся. Ты ее руками тудю, а она тебя от себя как бы это отталкивает. А я вокруг тебя руками вожу, а там пусто, – баба Нина поводила возле него руками и покачала головой. – Ты знаешь чего, милай, смерть – она холодная, так ты свои пятнышки попробуй кипяточком обдать.

– Какие пятнышки? – простонал Шурик. – Ты посмотри, у меня все плечо зеленое!

– Так я ж и говорю, что случай тяжелый, вот я тебя и успокаиваю. А то, что оно у тебя аж подмышку залезло, так это я вижу.

Оставив бабе Нине двести долларов на поросенка и травы, Шурик поплелся домой. Там по-прежнему лил дождь. С трудом

сташив с себя липнущую к телу одежду, он сразу забрался под душ, медленно доведя воду до такой температуры, что едва выдерживал ее. Через час, задыхаясь, он выбрался из ванной и пошел к зеркалу. Пятно побледнело.

Через неделю позвонила баба Нина. Травы прибыли.

– А что, пятнышки-то сошли от кипяточку? – как будто вспомнила она.

– Уменьшились.

– Ну, я ж тебе и говорю: смерть – она от горячего отступается. Тебе бы солнца побольше – еще бы сильнее помогло.

В назначенный час Шурик позвонил в дверь знахарки, но никто не ответил. Он позвонил еще несколько раз, и тогда соседняя дверь приотворилась, и мужской голос, показавшийся ему знакомым, сообщил ему, что пани Нину арестовали.

– А за что?!

– Пани – аферистка, – было ему ответом.

Глаза Шурика привыкли к полумраку в проеме, и он наконец рассмотрел говорившего с ним.

– Вацек?! – остолбенело сказал он.

– Я, – вздохнул тот. – Пани Сандра просила меня передать пану, что она там чекаец на вас.

Сгоряча Шурик чуть было не вернулся на родину. Затем прикинул, что от Рио-де-Жанейро до Брайтон-Бич ненамного дальше, чем от Рио-де-Жанейро до Одессы. А все эти Вацеки, обезглавленные гуси, директора кладбищ и прочая чертовщина Сандры Майбиды не знали никаких пределов, видимо, отражая этим фактом силу ее чувства к нему. И не алтайской знахарке с Брайтон-Бич было тягаться с бразильскими макумбейро. Нет, Шурику тоже нужен был макумбейро, но только еще более высокого класса. Самого высокого. Такого, чтобы поднять тех всеильных духов, которые, по рассказам, обитали в самых темных морских пучинах, в самых вязких болотных топях, в самых глубоких нефтяных скважинах, и от которых спаса не было уже никому.

Когда Шурик с больной головой и обваренной кожей зашел проститься с родителями, отец вдруг дрогнувшим голосом сказал:

– Сынок, маме так плохо, я не знаю... У меня сахар скачет, как сумасшедший... Может, останешься?

– Папа, – ответил ему Шурик. – Когда я уеду, вы оживете.

В Рио он бросился в тот же прибрежный бар с полосатыми зонтиками и – о чудо! – застал там старого индейца. Тот стоял у стойки, протирая бокалы и подвешивая их в сушилку над головой.

– Ола! – он сразу узнал устроившегося напротив него Шурика и добавил: – Муйто амор, муйто макумба.

– Муйто-муйто, – согласился Шурик. Времени на лишние разговоры у него не было, поэтому он, как говорится, взял быка за рога:

– Папай, ты возьмешься за это дело?

Индеец покачал головой.

– Ее макумбейро из Бахии. Сильнее тамошних колдунов нет.

– Что же мне делать, папай? Она же меня доконает.

– Езжай в Бахию.

Не стану описывать в деталях дальнейшие странствия истерзанного Пастернака, его метания по сельским базарам южной провинции, встречи, о которых не хочется теперь вспоминать ни ему, ни мне. Переходим сразу к моменту, когда он направляется к старцу, чье имя я даже не берусь воспроизвести, потому что и это может иметь свои последствия. Сперва путешественник задыхается в раскаленном вагоне поезда, потом истекает потом в забитом крестьянами и назойливыми мухами автобусе, затем он плывет по сумрачным протокам Амазонки. Наконец нос лодки с шорохом выезжает на песок, и стоптанный ботинок швейцарской фирмы «Бали» ступает на дикий берег. Даже нет – не берег, а брег – песчаный и пустой. Так-то оно точнее описывает сказочное пространство, в которое все глубже и глубже погружается этот сюжет.

Стоя среди пронизанной солнцем зелени и оглушительного птичьего гама, Шурик наблюдал, как к нему неторопливо приближается группа темнокожих детей с надеждой на подарки в глазах – конфеты или жевательную резинку. У него не было подарков. У него были последние две с половиной тысячи реалов, зашитые отдельными пачками в плечах пиджака и поясе брюк.

Высушенный временем и черный, как кусок дерева, старик дремал в гамаке, свесив к земле увитую взбухшими венами ногу. Он наблюдал за приближением визитера из-под едва приоткрытых век и, когда тот подошел, приподнял руку, давая понять, что

видит его. Помолчали. Потом произнес стократно слышанное: «Муйто макумба. Муйто, муйто».

– Так что мы будем делать, папай? – спросил визитер, закуривая.

Колдун вздохнул и стал неторопливо рассказывать, что нужно позвать танцоров из соседней деревни и каждому пошить новый костюм. Потому что, если наденешь старый, духи воспримут это как неуважение и рассердятся еще больше. Много жертв надо, много крови. Хороший подарок надо.

– Та женщина, – продолжал колдун, поднимая палец, – так просто не успокоится. Она снова сделает макумбу. Поэтому нам надо сразу дать духам столько, чтобы ее подарки были меньше. Тогда духи рассердятся на нее.

– Сколько это будет стоить, папай?

– Инфляция – страшная вещь, – начал папай издалека. – Все, что лежало в банке, президент, будь он проклят с женой и любовницами, украл за день. А у меня два сына и дочь. И все колдунами быть не могут. Это – дар. Одного я на врача выучил, – он стал загибать пальцы. – Второго – на адвоката. Дочь за американца вышла, какой-то лузер из Пенсильвании, на что живет – непонятно. А все стоит денег. Хороший костюм – это реалов триста-четырееста. Еще танцовщиков надо человек двадцать. И каждому надо дать за вечер хотя бы реалов двадцать пять. Чтобы танцевали с чувством, а не валяли дурака. Короче говоря, меньше чем за десять тысяч даже не стоит браться. Ну и подарок. Что это у тебя за часы?

– «Патэк-Филипп».

– Золотые?

Шурик рассмеялся. Нет, этот дикарь совсем не был похож на первобытное существо, перед которым могли еще быть приоткрыты двери потустороннего мира. Один сын – врач, другой – юрист, костюмы по четыреста реалов, вокалисты по двадцать пять. Нет, это был опытный руководитель местной самостоятельности, и его организационные и артистические умения мало отличались от тех, которыми располагал его визитер. Более того, он мог открыть точно такой же бизнес с конкурентными ценами, подвесив гамак под соседним деревом.

Эта мысль заставила Шурика снова засмеяться, и смех словно приоткрыл в нем какой-то невидимый клапан, через который

в него влилось как-то незаметно потерянное им ироническое отношение к жизни.

Он вдруг расслабился, впервые за очень долгое время ощутив горьковатую сладость табака. Вдыхая ароматный дымок, он увидел в событиях последних месяцев водевиль, действующие лица которого: бразильская красавица, алтайская шаманка, польский покойник и этот деловой старикан – разыгрывали сюжет, неуклонно катившийся к своей счастливой развязке.

Шурик снова засмеялся.

– В чем дело? – насторожился колдун.

– Папай, всю жизнь я рассказывал людям сказки, после чего они оставляли мне свои деньги. Впервые за сказку должен заплатить я.

– Что значит сказки?! – сказал старик, почесывая плечи сложенными на груди руками. – Если ты не послушаешь меня, она в конце концов тебя окрутит. Поверь мне. Она дала взятку знаешь кому?

– Директору кладбища.

– Правильно! А мы должны дать взятку любовнице директора кладбища. Ты меня понял?

Шурик сбил пепел на песок.

– Папай, знаешь, я вдруг подумал, что эта подруга – Сандра Майбида – была не самой худшей женщиной в моей жизни. Более того, я вдруг заскучал по ней. Честно. Чем сидеть сейчас в этих дебрях и прикидывать, где взять десять тысяч реалов, я мог бы лежать с ней в кабане возле бассейна и пить джин с тоником.

– Так я же тебе сразу сказал, что она возьмет тебя, – вздохнул колдун. – Теперь ты видишь, что я не какой-нибудь аферист? За такое предсказание я беру недорого – четыреста реалов.

– Двести, – сказал Пастернак.

– Давай, – махнул рукой колдун.

Шурик достал из пояса деньги, отсчитал перед лицом у старика четыре купюры по пятьдесят реалов и, привычно сломав пополам, протянул ему остаток.

США